

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

FUNCTIONING OF ADJECTIVES OF THE TAJIK AND RUSSIAN LANGUAGES IN WORKS OF FICTION

Sh. Hasanzoda

Summary: The aim of this study is to identify the function of the adjectival class of words in Russian and Tajik literature. This adjective has the broadest representation in both Russian and Tajik. Examples from works of Russian and Tajik writers are provided. The linguistic material includes S. Ulughzade's novel "The Morning of Our Youth" and J. Ikromi's novel "The Twelve Gates of Bukhara", as well as the National Corpora of the Russian and Tajik Languages.

Keywords: adjectives, Russian language, Tajik language, appearance, human world, work of art, episode.

Хасанзода Шахло Рахмон

Таджикский международный университет иностранных языков имени Сотима Улугзаде, Республика Таджикистан, (г. Душанбе)
laylo.hasanov@mail.ru

Аннотация: В статье выявлена функция адъективного класса слов русского и таджикского языков в текстах художественной литературы. Приведены примеры из художественных произведений русских и таджикских писателей. В качестве языкового материала послужили роман С.Улугзаде «Утро нашей юности» и роман Джалола Икромии «Двенадцать ворот Бухары» и Национальные корпуса русского и таджикского языков.

Ключевые слова: прилагательные, русский язык, таджикский язык, внешний вид, мир человека, художественное произведение, эпизод.

Введение

Необходимость изучения имен прилагательных в таджикском языке обусловлена прежде всего его аморфностью и сходством с другими частями речи таджикского языка, отсутствием критериев их семантической дифференциации на основе универсальных и специфических признаков, внесением более четких и детальных уточнений по некоторым частным аспектам их деривации.

Актуальность данной статьи является то, что семантический потенциал имен прилагательных получает своё раскрытие и реализуется преимущественно в описании внешнего и внутреннего мира человека, так красочно и выразительно воссоздаваемого художниками слова в литературе.

Исходя из этого положения в качестве объекта исследования выбран следующий эпизод художественного текста: *Боиси гуфтан аст, ки аввал наҳангҳои бузург ва баъдан хурдтар нобуд шудаанд. Уқёнуси Ҳинд барои наҳангҳо хавфноктарин минтақа эътироф шуд, чун дар ин уқёнус олами моҳиҳо ва дигар намуди ҷонварони дарёро назорат мекунад. Дар кунҷаки чодир боз як духтараки аз вай хурдтар ништа буд, дуяшон ба ҳам монанд, дуяшон ҳам зебочехра ва сафедпӯст буданд, лекин кӯфта менамуданд, рангҳошон парида, таги чашмҳошон кабуд ғашта буд. Исо андешаи дили онҳоро дарёфта, кӯдакero гирифтуну пеши Худ ба по гузошт ва ба онҳо гуфт: «Ҳар кӣ ин кӯдакро ба исми Ман қабул кунад, Маро қабул мекунад; ва ҳар кӣ Маро қабул*

кунад, Фиристандаи Маро қабул мекунад; зеро ҳар кӣ дар байни шумо аз ҳама хурдтар аст, вай бузург хоҳад буд». Тамошоталабон рафта-рафта аз дидани ин тамошо умедашонро қандан гирифтанд ва дар майдонҳо ғун шудани онҳо ҳам рӯз то рӯз камтар мешуд ва гурӯҳҳо ҳар рӯз аз рӯзи гузашта хурдтар мегариданд. [НКТЯ]. – А по-неже в сие училище не моложе 12 лет принимать поведение, языка же надобно научиться от 5-ти или 6-ти лет возраста, и для того нужно таким школам, где бы младенцы языком научились, быть особым не в одном месте, но повсюду, дабы в близости родителей могли первое учение воспринимать; [НКРЯ].

В вышеприведенных примерах использованы прилагательные, которые являются производными. Они обозначают не только возраст, но и объем.

Следующее прилагательное **муқаррарӣ**, использованное в качестве определения существительного *рӯз*, относится к группе прилагательных общей характеристики предмета. Является многозначным словом, его лексическое значение выстраивается из двух ЛСВ: «1. Муайяншуда, таъйин кардашуда; 2. Оди, одатшуда, ба умумият даромада, таомулшуда, маъмул» [ФТЗТ, 2008, 1: с. 831]. Анализируемое слово реализовано во втором ЛСВ, которое является производным. Предложенное переводчиком соответствие, на наш взгляд, представляет собой эквивалентный вариант. Прилагательное **обыкновенный** является обозначением двух денотатов. Именно первое, номинативное его значение содержит идентичный с лексемой *муқаррарӣ* семный состав и выступает полным соответствием.

Вызывает интерес и другое прилагательное оригинального текста, слово **одӣ**, моносемант, эксплицирующийся как «муқаррарӣ, сода». Сопоставив толкования двух последних прилагательных, можно заключить, что они являются тождественными словами, поскольку интерпретируются посредством друг друга и имеют общую сему 'обычный'. В свою очередь его русский эквивалент прилагательное **обычный** проявляет синонимичность по отношению к ранее рассмотренному прилагательному *обыкновенный*.

Таким образом, проведенных сопоставительный семантический анализ прилагательных позволил выявить их продуктивность и незаменимость при описании картин природы. Качественная природа имени прилагательного способствует более детальному и в то же время более красочному изображению действительности. Однако не каждому переводчику под силу передать всю функциональную нагрузку лексических единиц, с учётом их полисемичности и семного состава каждого лексико-семантического варианта значения слова. В конечном тексте сохранилось больше элементов повествования, описательная же сторона текста претерпела значительные сокращения и преобразования.

Каковы же особенности функционирования прилагательных в другом отрывке текста из романа Джалола Икрами «Двенадцать ворот Бухары»:

«Зимистон, зимистони қаҳратун бо ҳамаи сахтиҳо, норасоиҳо ва азобҳояш гузашт. Баҳори нозанин бо ҳамаи хушиҳо, зебоиҳо ва шодкомиҳояш омада ҳукмрон шуд; Он сол барф чандон бисёр наборида бошад ҳам, хунуқиҳои сахт шуд; Гоҳо бегоҳӣ дар ҳаво абрҳои сиёҳи боронӣ чамъ мешуданд, барқ ҳар замон дунёро равшан мекард, осмон гулдуррос мезад ва баъд шатар-шутур чакраҳои калон-калони борон ба болои шаҳр меборид. Пас аз соате насими форае вазида абрҳоро пора мекард ва дар осмон ситораҳои дурахшон пайдо мешуданд, ки дар субҳ бо нахустин шуои заррини офтоб парвоз карда раванд. Ситораҳо нопадид мешуданду дар осмони лочувардӣ, <...> фароштурукҳо пайдо шуда ба бозӣ сар мекарданд» [5, с. 454]. – «Прошла зима, кончилась **лютая** стужа. На смену ей явилась красавица весна и стала владычицей земли, неся тепло и радость. Снега в тот год выпало мало; потому то при **сильном** и **стойком** морозе долго держались обледенелые кучки снега. По вечерам нередко сгущались **темные** дождевые тучи, часто сверкала молния, гремел гром, первые **крупные** капли дождя предвещали ливень. Разразившись, он быстро проходил, **ласковый, приятный** ветерок разгонял остатки туч, зажигались звезды. По утрам они исчезали с первым **золотым** лучом солнца. В чистом, омытом дождем **лазурном** небе затевали **веселую** игру ласточки» [4, с. 324].

Избранный в качестве языкового материала фрагмент художественного текста содержит девять качественных

прилагательных, четыре из которых соотносятся с лексико-семантической группой колоративной лексики, а именно лексемы *сиёҳ, дурахшон, заррин, лочувардӣ*. Прилагательное *сиёҳ*, используется в качестве определения существительного *абрҳо*. Поскольку данная лексема уже была объектом детального семантического анализа (стр.), остановимся на вопросе адекватности её передачи на русский язык. В качестве соответствия словосочетания *абрҳои сиёҳ* автор перевода предлагает сочетание *тёмные тучи*, что, на первый взгляд покажется неадекватным. Однако при лексическом анализе таджикского прилагательного находим, что оно, будучи полисемантом, во втором ЛСВ трактуется как «2. Торик, тира; муқоб. равшан» [10, с. 240]. Исходя из данного значения оригинальной единицы, можно предположить, что подобранное соответствие эквивалентно. В этом случае единый компонентный состав коррелирует ЛСВ₂ прилагательного *сиёҳ* и ЛСВ₂ прилагательного *тёмный* «2. По цвету близкий к чёрному, не светлый» [МАС, 1999].

Прилагательное *дурахшон* является элементом поэтического языка и малопродуктивно в нейтральном стиле. Моносеманлично, интерпретируется как «Дурахшанда, тобанда, равшан» [9, с. 471]. Не обозначает непосредственно какой-то цвет, но указывает на яркость и блеск предмета. В данном случае является художественным определением существительного *ситораҳо*, выступая вербальным украшением контекста. Однако в тексте перевода эта образность потеряна за счёт допущенного лексического опущения анализируемого прилагательного. Выбор эквивалента не составляет труда, конструкцию *ситораҳои дорахшон пайдо мешуданд* легко можно воспроизвести в конечном тексте как *появлялись сияющие звезды*.

Лексема *заррин*, как и предыдущая единица, не является обозначением непосредственно колоративного признака. Будучи полисемичным словом, только во втором значении, образованном явной метафоризацией, основанном на уподоблении с цветом золота, выступает цветообозначением. Именно второй ЛСВ прилагательного реализован в данном контексте в качестве художественного определения, или, иными словами, эпитета к субстантиву *шуоъ*. Семантическая структура его эквивалента – русской лексемы *золотой* построена приблизительно в том же порядке. Будучи обозначением семи денотатов, основной ЛСВ является номинацией признака определенного предмета, содержащего золото. На основе этого значения формируются другие ЛСВ. В рассматриваемом случае прилагательное реализовано в третьем значении, а именно: «3. Блестяще-жёлтый, цвета золота» [МАС, 1999]. Другими словами, ЛСВ₂ прилагательного *заррин* и ЛСВ₃ прилагательного *золотой* можно считать абсолютными эквивалентами.

Другое цветообозначение из анализируемого кон-

текста – прилагательное *лочувард(ӣ)*, единственное значение которого толкуется как «кабудранг, нилгун; ба ранги лочувард» [9, с. 728]. Исходя из толкования можно заключить, что оно синонимично ранее рассмотренному прилагательному *нилгун*, также характеризует голубое небо, выступает поэтизмом, вследствие чего наделяет контекст выразительностью. Более того, оно также соответствует русскому *лазурный*, который в свою очередь является и узуальным и контекстуальным эквивалентом: *осмони лочувардӣ* → *лазурное небо*.

Прилагательное *қаҳратун* в таджикском языке обладает очень ограниченной лексической сочетаемостью в силу того, что может выступать в качестве определения таких понятий как зима и мороз: «аз ҳад зиёд хунук, сардии шадид, тоқатфарсо, сахт» [9, с. 679]. Предложенные ТРС соответствия, в частности *суровый, свирепый, лютый*, могут выступать эквивалентами только в своих переносных значениях. Приведенный переводчиком вариант *лютый* может характеризовать погоду только в своём третьем значении, которое образовано путём метафоризации основного значения: «З. Очень сильный по степени проявления» [МАС, 1999].

Вызывает интерес переводческое решение лекси-

ческого добавления прилагательного *приятный* (в сочетании *насими форам – ласковый, приятный ветерок*) и прилагательного *весёлый* (*бозӣ – весёлая игра*). Осуществленные добавления несут излишнюю информацию, которая отсутствует в тексте оригинала, вследствие чего они неоправданны.

Заключение

Таким образом, проведенное в рамках настоящего раздела исследование позволило установить факт широкого функционирования качественных прилагательных в описательных текстах художественных произведений. Как правило, они используются в полной форме и положительной степени сравнения. Их семантика разнообразна. Наряду с номинативными значениями слов широкое распространение получают производные и переносные ЛСВ, что придаёт тексту выразительность и образность. Большая часть исследованных в данном разделе таджикских прилагательных являются моносемичными, другая их часть представлена полисемантами с малоразвитой многозначностью. Передача адъективных лексем на другой язык зачастую осуществляется неадекватно, не учитывается при этом весь семантический потенциал слов, рамки функционирования каждого ЛСВ полисемичных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1978. – 367 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
3. Виноградова В.Л. Лексикология и лексикография. / В.Л. Виноградова. – М., 1977. – С.162-189.
4. Икроми Дж. Двенадцать ворот Бухары: трилогия. / Дж Икроми. – М.: Сов.писатель, 1987. – 768 с.
5. Икроми Ч. Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро (роман). / Ч.Икроми. – Душанбе: Адиб, 2016. – 560 с.
6. Малый энциклопедический словарь. / Т. 1 Вып. 1: А - Гальванотропизм. - СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. -1055с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. А-Й / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.
8. Фарҳанги забони тоҷикӣ. (Толковый словарь таджикского языка) - 1–2 том. А-О. [Матн] / Дар зери М.Ш. Шукуров - М.: Сов.Энцик, 1969. - 951 с.
9. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. (Толковый словарь таджикского языка) Ч.1 [Матн] / С. Назарзода, А.Сангинов, Р.Ҳошим, Ҳ. Рауфзода – Душанбе: ЧДММ «Ксерокленд» 2008. - 950 с.
10. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. (Толковый словарь таджикского языка) Қ,2 [Матн] / С. Назарзода, А.Сангинов, Р.Ҳошим, Ҳ. Рауфзода – Душанбе: ЧДММ «Ксерокленд» 2008. -945с.
11. Таджикско-русский словарь /под.ред.Д.Саймидинов, С.Холматова, С.Каримов. – Душанбе: Изд. АН РТ, 2006. – 784 с.
12. Хасанова Ш.Р. Лексико-тематическая группа прилагательных таджикского языка, характеризующих внешний вид человека (в сопоставлении с русским языком): дисс. ... канд.филол.наук: 10.02.22, 10.02.20 / Шайло Рахмоновна Хасанова. - Душанбе, 2015. – 171 с.

© Хасанзода Шахло Рахмон (laylo.hasanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»